

С. Л. [Автор не установлен.] [Рец. на:] *Малеонский М.*
Владиславлев: повесть из быта семинаристов и духовенства.
СПб., 1883—1894 // Богословский вестник 1894. Т. 4. № 11.
С. 383—409 (3-я пагин.).

„Владиславлевъ“, повесть изъ быта семинаристовъ и духовенства. М. Малеонскаго. Спб. 1883—1894 г.

„Намъ какъ-то приходилось говорить, писать С. А. К. въ № 40 Церк. Вѣстн. за 1893 г., по поводу того, что наше духовенство довольно инертно на дѣла благія. Не смотря на длинное свое прошлое, на сравнительно благопріятныя бытовыя условія, оно не сумѣло создать себѣ ни литературы съ церковнымъ направленіемъ, ни даже въ своей жизни освободиться отъ вліянія свѣтской, часто совѣмъ съ неправославными идеалами... „Православно-русской литературы,—говорилось,—въ созданіи которой русское духовенство могло бы считать себя виновникомъ,—у насъ не существуетъ. Даже о бытѣ самого духовенства общество и само духовенство знаетъ отъ свѣтскихъ писателей; изрѣдка только послышится отголосокъ, какъ вѣсть изъ Китайской земли, въ формѣ какихъ-нибудь „записокъ сельскаго священника“ и смолкнетъ на цѣлый десятокъ, а то и больше лѣтъ. Да и эти отголоски изъ нѣдръ духовной жизни постоянно заглушаются не громомъ журнальныхъ статей, а трескотней и болтовней пошлыхъ газетокъ. Такъ слабо слово духовенства въ нашей литературѣ. Что же удивительнаго въ томъ, что часто и само духовенство смотритъ на народъ (и на все) чрезъ призму свѣтской печати! На свѣтскихъ журналахъ и газетахъ духовенство вырациваетъ свои семьи. Кто во всемъ этомъ виноватъ и виноватъ ли кто, судить трудно, но фактъ на лицо: православное духовенство воспитывается на литературѣ (насколько литература можетъ воспитывать), проникнутой духомъ не православнымъ“. (Стр. 629—630; см. Сам. Епарх. Вѣдом. 1893 г. № 6).

Приведенная тирада побуждаетъ насъ сказать нѣсколько словъ по поводу вышедшихъ изъ печати двухъ послѣднихъ томовъ обширной и многосодержательной повѣсти „Владиславлевъ“, живо изображающей бытъ семинаристовъ и духовенства и принадлежащей высокопочтенному лицу изъ духовенства, автору и другихъ многочисленныхъ и часто обширныхъ очерковъ изъ означеннаго быта, а также статей и книгъ церковно-историческаго и археологическаго содержанія и разныхъ другихъ сочиненій, дѣлающихъ честь скромному труженику и, при другихъ условіяхъ его общественнаго положенія, могшихъ составить ему славное имя...

Весьма правдивый отзывъ о первыхъ двухъ томахъ повѣсти „Владиславлевъ“ уже сдѣланъ въ свое время въ № 4 „Црк.-Общ. Вѣстника“ за 1885-й годъ, и потому мы въ нашемъ очеркѣ будемъ говорить лишь о послѣднихъ томахъ при своей неразрывной связи съ предшествующими имѣющихъ много сторонъ общаго и самостоятельнаго характера, на которыя стѣдуетъ обратить серьезное вниманіе каждому, интересующемуся бытомъ духовенства и желающему имѣть о немъ не какія либо случайныя и нерѣдко превратно переданныя свѣдѣнія, а свѣдѣнія добытыя путемъ цѣлаго жизненнаго опыта и всесторонняго изученія.

Намъ сравнительно давно уже не приходилось испытывать такого по-истинѣ отраднаго впечатлѣнія, какое мы испытали и доселѣ еще переживаемъ подѣ влияніемъ прочтенія повѣсти „Владиславлевъ“. Положительно можемъ утверждать, что до сихъ поръ во всей нашей беллетристической литературѣ еще не появлялось такой обширной, замѣчательно содержательной, фотографически-вѣрной въ изображеніи и безпристрастной эпопеи изъ жизни семинаристовъ и духовенства, какъ повѣсть „Владиславлевъ“; она стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ попытокъ изобразить бытъ семинаристовъ и духовенства, которыя мы встрѣчаемъ и въ отдѣльныхъ изданіяхъ и на страницахъ журналовъ и газетъ и которыя въ большинствѣ случаевъ предлагаются читающей публикѣ со стороны авторовъ не только не принадлежащихъ къ духовенству, но и не изучившихъ его обстоятельно, не присмотрѣвшихся къ нему близко, и часто пишущихъ на тему о духовенствѣ просто потому, что эта тема считается нынѣ модною и весьма

благодарною для тѣхъ, чье сердце не лежитъ не только къ духовенству, но и къ самой церкви, служителями которой являются духовныя лица... Понятно, что подобныя попытки по большей части тенденціозны, односторонни, пристрастны и потому конечно должны считаться лишь случайными явленіями въ области беллетристики и культурно-бытовыхъ очерковъ, результатомъ недоразумѣнія, а не типическими изображеніями дѣйствительности... И лишь изрѣдка можно встрѣчать въ печати такіе свѣтлые и объективно-безпристрастные взгляды на духовенство, какіе мы замѣчаемъ напр. въ писаніяхъ высокопочтеннаго И. У. Палимпсестова и между прочимъ въ неоднократно изданной имъ книгѣ „За истину и правду“¹⁾, или въ книгѣ досточтимаго проф. П. И. Казанскаго: „Правда ли, что наше духовенство не хочетъ и не умѣетъ учить народъ?“, —каковыя книги положительно нужно совѣтывать читать и перечитывать всѣмъ, желающимъ составить себѣ надлежащій взглядъ на русское духовенство, и особенно необходимо ознакомиться съ ними послѣднему, что конечно будетъ для него несравненно полезнѣе чтенія многихъ другихъ книгъ, часто такъ сказать навязываемыхъ ему, нѣкоторымъ образомъ противъ его воли, въ видѣ напр. такъ называемыхъ „бесплатныхъ“, а иногда и платныхъ „приложеній“ не только къ журналамъ, но и къ газетамъ, при чемъ эти, часто очень откровенныя, „приложенія“ какъ непрошенныя гости врываются въ семью и дѣйствуютъ растлѣвающимъ образомъ особенно на младшихъ ея членовъ, на молодое поколѣніе общества... — Даже въ послѣднее время, когда съ высоты Царственнаго Престола уже раздался неопровержимо-авторитетный голосъ въ пользу православнаго духовенства, которому отдается должная и вѣками заслуженная справедливость, мы не перестаемъ на страницахъ иныхъ органовъ періодической печати перѣдко встрѣчать тенденціозныя и односторонніе навѣты на духовенство и недобросовѣстныя инсинуаціи противъ его важнаго и всеобъемлющаго служенія Церкви, и Отчезству, — при чемъ повидимому забывается, что уже въ далекую даль отодвигается то печальное время, когда была мода на подобное отношеніе къ духовенству, когда всевозможныя не-

¹⁾ Въ послѣднее время въ брошюрѣ „Волны житейскаго моря“.

достойныя выходки противъ него многими принимались на вѣру, безъ должной провѣрки, и оно являлось какъ бы беззащитнымъ и безмолвно страдавшимъ, какъ отребіе міра, при чемъ на немъ буквально исполнялись слова Господа о Его ближайшихъ послѣдователяхъ и служителяхъ: *въ міръ скорбни будете... аще Мене изгнаша, и васъ изженутъ.* И нашъ авторъ не щадитъ духовенства въ тѣхъ случаяхъ, когда оно дѣйствительно не заслуживаетъ пощады, когда оно требуетъ должнаго вразумленія и напоминанія ему объ его высокомъ призваніи и отвѣтственномъ служеніи, — и у него не мало примѣровъ весьма строгаго отношенія къ духовенству, повидимому даже какъ будто слишкомъ много, если взять во вниманіе его усердное радѣніе объ истинныхъ пользахъ духовенства, солидную защиту имъ послѣдняго отъ всевозможныхъ нареканій и нападковъ, но за то свѣтлыя стороны въ жизни духовенства и вся вообще его жизнь и особенно быть учащагося духовнаго юношества, по нашему мнѣнію, у него изображены рельефнѣе, чѣмъ у кого либо еще изъ писавшихъ о томъ же раньше его, и въ тоже время изображены съ замѣчательнымъ одушевленіемъ и рѣдкою правдивостію, до мельчайшихъ подробностей согласно съ дѣйствительностію.

Къ сожалѣнію, много зла духовенству принесли тѣ изъ числа писавшихъ о немъ, которые вышли изъ его собственной среды, но стали въ иныя условія жизни, чѣмъ въ какихъ находились раньше сами и въ какихъ продолжаютъ жить ихъ присные, связанные съ ними узами происхожденія и родства. Слишкомъ усердно руководясь страннымъ принципомъ самооплеванія и ненужнаго самоуничженія, — далеко не изъ побужденій христіанскаго смиренія, а единственно по какой-то непонятной отчужденности отъ воспитавшей ихъ, но непонятой ими, какъ слѣдуетъ, среды, въ связи съ озлобленною, и тоже безотчетною, враждебностію ко всему тому, что такъ или иначе относится къ Церкви и ея служителямъ, — таковыя бытописатели духовенства усердно набрасываютъ на него неблаговидную тѣнь, и это дѣлаютъ съ какимъ-то самоуслажденіемъ, какъ бы злорадно залюбовываясь выводимыми ими на сцену позора персонажами. При всемъ томъ (странный самообманъ!) они обыкновенно въ своей непохвальной роли прикрываются лицемѣрнымъ ува-

женіемъ и къ духовенству, которое чернятъ и поносятъ, и къ Церкви, подъ которую подкапываются, конечно иногда и бессознательно, но чаще сознательно... Понятно, что сочиненіе, по поводу котораго мы ведемъ нашу рѣчь, является сильнымъ противовѣсомъ подобнаго рода недостойнымъ и несправедливымъ отношеніямъ къ духовенству: въ лицѣ автора „Владиславлева“ оно находитъ для себя давножеланнаго апологета, ведущаго свою благородную защиту поношаемаго духовенства не какъ нибудь а ргіогі, но путемъ всесторонняго изображенія его быта, списаннаго съ дѣйствительности, которую пережилъ самъ авторъ, прочувствовалъ и возвелъ въ художественную эпопею.

Мы отъ души желали бы, чтобы періодическая печать, и особенно духовная, отозвалась какъ должно на этотъ истиннѣ почтенный трудъ, какъ нельзя болѣе благовременный и дѣлающій честь его автору: онъ вполне того заслуживаетъ;—да и не все же намъ отмалчиваться отъ возводимыхъ на насъ всевозможныхъ нареканій,—а это къ сожалѣнію почти обычное явленіе въ жизни духовенства: какъ-то ужъ принято за обычай въ періодической прессѣ quasi—либеральнаго направленія такъ или иначе всячески выискивать все, болѣе или менѣе компрометирующее духовенство, и выставлять это на всеобщій позоръ, —по крайней мѣрѣ такъ было до послѣдняго времени;—но слово защиты, особенно подробно обстоятельное, лишь изрѣдка слышалось въ пользу духовенства. Конечно, и само дѣло, беззавѣтно совершаемое духовенствомъ, часто говоритъ въ его пользу и опровергаетъ возводимыя на него нареканія или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабляетъ силу обрацаемыхъ къ нему укоризнъ, нерѣдко вовсе безосновательныхъ, а порою лишь отчасти имѣющихъ основаніе, но за то разсѣиваемыхъ безъ затрудненія при ближайшемъ разсмотрѣніи оныхъ. Тѣмъ не менѣе далеко не излишне давать по временамъ почувствовать различнымъ изобличителямъ духовенства, что они часто вовсе не разсматриваютъ дѣла по существу, а ограничиваются лишь пустыми и мелочными придирками, вращаются вокругъ отдѣльныхъ фактовъ изъ жизни духовенства, не вникая въ основу всей этой жизни, не обозрѣвая оной во всей ся многообъемлющей широтѣ, что далеко не безразлично. Притомъ, какого отношенія къ

духовенству нужно ожидать со стороны тѣхъ изъ числа пишущихъ о немъ, для которыхъ оно, прямо сказать, ненавистно, для которыхъ оно кажется даже вовсе излишнимъ въ окружающей ихъ жизни и для которыхъ, наконецъ, существованіе его представляется какимъ-то недоразумѣніемъ, съ коимъ лишь по необходимости приходится мириться, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ? Какого отношенія къ духовенству ожидать со стороны тѣхъ, кто и къ Церкви православной не пытается должнаго уваженія, не успѣвши, въ погонѣ за пустымъ—часто многознапиемъ, составить о ней должное понятіе? Могутъ ли быть справедливы въ своихъ отношеніяхъ къ духовенству тѣ изъ пишущей части общества и вообще тѣ изъ такъ называемой интеллигенціи, кто и въ самые храмы Божіи заглядываютъ лишь изрѣдка и по пятилѣтіямъ, а порою по десятилѣтіямъ, иные же и вовсе не бывають у исповѣди и св. Причастія, а если когда и побывають, то готовы отнестись къ совершителю св. Таинствъ Церкви точно такъ же, какъ преспрославленный въ предшествовавшее время, а нынѣ пресловутый гр. Л. Толстой отнесся недавно къ своему духовному отцу, „дерзнувшему“ на исповѣди допрашивать его совѣсть о содѣянныхъ имъ нарушеніяхъ законовъ божественныхъ и человѣческихъ и затѣмъ требовалъ отъ него при приобщеніи Св. Таинъ истинной вѣры въ святыню Таинства. Что можетъ сказать въ пользу духовенства такъ настроенная интеллигенція; какъ можетъ она должнымъ образомъ выикнуть въ его жизнь, понять сущность оной, войти въ ея нужды, сочувствовать ея радостямъ, однимъ словомъ войти въ положеніе духовенства, сдѣлать ему надлежащую оцѣнку и быть солидарнымъ съ нимъ въ его дѣятельности? Вотъ потому-то и такъ важно для каждаго остановиться своимъ вниманіемъ на такого рода произведеніяхъ печати, какъ „Владиславлевъ“; потому-то и столь благовременно привѣтствовать ихъ, какъ желаемую защиту духовенства отъ возводимыхъ на него нареканій, какъ глубоко задуманную и широко написанную картину его жизни, безъ преувеличенія его заслугъ и достоинствъ, безъ умолчанія о его порокахъ и недостаткахъ и притомъ съ соблюденіемъ во всемъ мѣры...

Въ частности, въ 3-мъ томѣ повѣсти „Владиславлевъ“ такъ сказать красною нитью по всѣмъ главамъ этого объ-

емистаго тома проходить одушевленное изображение непреодолимаго стремленія героя повѣсти, студента семинаріи, къ академическому образованію. Этому благородному стремленію не могли положить преградъ самыя серьезныя и подѣ-часъ совершенно неожиданныя препятствія, возникавшія главнымъ образомъ изъ условій далеко не обезпеченной и полной различныхъ тревогъ жизни престарѣлыхъ родителей Владиславлева; не могли между прочимъ положить ему окончательной преграды ни угрозы отца героя, ни слезы матери, желавшихъ видѣть въ сыпѣ, — какъ это обычно бываетъ въ жизни духовенства, — поддержку ихъ старости, если онъ поступитъ на хорошее священническое мѣсто; при чемъ Владиславлевъ, какъ почтительный къ своимъ родителямъ сынъ, съумѣлъ выходить изъ величайшихъ испытаній его терпѣнію безъ малѣйшаго оскорбленія часто видимо несправедливыхъ къ нему родителей, — и результатомъ всего было то, что онъ наконецъ достигъ-таки желанной, давно намѣченной цѣли и поступилъ въ академію, которой и былъ украшеніемъ. Своимъ горячимъ стремленіемъ къ высшему академическому образованію онъ характеризуетъ вообще присущее духовенству стремленіе къ большому и большому просвѣщенію, издавна составляющее его отличительную черту, при всѣхъ недостаточныхъ часто къ тому средствахъ и пособіяхъ, даже такъ сказать на рекордъ всѣмъ удручающимъ обстоятельствамъ его жизни... Академія, составляющая лучшій и постоянный предметъ помысленій богато одареннаго умственными и нравственными качествами героя повѣсти, изображается здѣсь съ такимъ сочувствіемъ и въ такихъ привлекательныхъ чертахъ, что это изображеніе, полагаемъ, съ особеннымъ удовольствіемъ прочтено будетъ всѣми получившими или получающими высшее академическое образованіе, а равно и стремящимися къ оному... Прочтеніе этой повѣсти воспитанниками духовно-учебныхъ заведеній быть можетъ послужить для нихъ значительнымъ противовѣсомъ всевозможнымъ „очеркамъ“ изъ быта семинаристовъ и духовенства, которыхъ нынѣ, какъ говорится, съ легкой руки Помяловскаго и въ подражаніе его „Очеркамъ Бурсы“, наплодилось далеко немало, и притомъ со всевозможною тенденціозною окраскою, смотря по тому, къ какой литературной школѣ принадлежитъ авторъ.

Питомцамъ духовно-учебныхъ заведеній слѣдовало-бы рекомендовать чтеніе подобнаго рода сочиненій, какъ разсматриваемое нами... Иначе незамѣтно, подѣ влияніемъ тенденціозныхъ „очерковъ“, въ нихъ съ возрастающею силою можетъ развиваться и безъ того уже иногда пустившее въ нихъ глубокіе корни предубѣжденіе противъ всего того, чѣмъ жили и живутъ ихъ дѣды и отцы, что дѣлало послѣднихъ мощными въ усвоеніи научныхъ познаній, что научало ихъ опыту жизни...

Весьма отрадную черту въ разсматриваемой книгѣ представляетъ и то, что лучшимъ стремленіямъ героя повѣсти вполне сочувствуютъ и даже содѣйствуютъ осуществленію ихъ такіа истинно аристократическія и въ настоящемъ смыслѣ слова интеллигентныя лица, какъ графиня Дикопольская со своею серьезно образованною и идеально настроенною дочерью. Этимъ авторъ прямо указываетъ на то, что истинный аристократизмъ и интеллигенція вполне солидарны въ своихъ стремленіяхъ съ Церковію и ея служителями, чѣмъ фактически изобличаетъ ту многоглаголивую шумиху прогресса и цивилизаціи, которая, при своей часто малокомпетентности въ трактуемыхъ ею вопросахъ жизни, готова надменно-брезгливо относиться къ лицамъ изъ духовнаго званія, не смотря на то, что послѣднія стоятъ нерѣдко цѣлою головою выше ея, — обычная манера тѣхъ „мелкотравчатыхъ душъ съ ихъ скороспѣлыми умами“, которыхъ такъ рельефно всегда изображалъ и изобличалъ херсонскій святитель — витія Высокопр. архіепископъ Никаноръ и которыя, „при повальномъ, по его словамъ, разложеніи вѣры въ ихъ умахъ и сердцахъ“, конечно не могутъ выносить присутствія рядомъ съ собою такого или иного дарованія изъ духовной среды, служащаго явнымъ укоромъ для ихъ „мелкихъ, поверхностныхъ, уродливо извращенныхъ умовъ, которые въ русской вѣрѣ видятъ не только не главный рычагъ, а даже помѣху быстрому и благонадежному развитію русскаго народа“ (т. 1, стр. 227), и вполне вѣрные „духу настоящаго времени, духу всесторонняго и всеобщаго охлажденія къ Церкви, роютъ свои собственные кладязи ученія, знанія и мудрости, кладязи сокрушенные, разломанные, которые вмѣсто чистой воды истиннаго здравого мыслія источаютъ только муть и грязь, вонь и заразу“

(стр. 206).—Возвращаясь къ разсматриваемому нами сочиненію, мы съ удовольствіемъ отмѣчаемъ тотъ поучительный фактъ, что авторъ его неоднократно останавливается на мѣткомъ изобличеніи лжеименной интеллигенціи и особенно въ характерныхъ столкновеніяхъ ея представителей съ такими или иными изъ представителей духовенства и его учащагося юношества; при чемъ дѣло по большей части начинается такъ, что носители и выразители „последняго слова науки“, „плывущіе „по теченію“ самоновѣйшаго прогресса и посящіяся „вѣяніями“ модныхъ „направлоній“ обыкновенно всею своею силою обрушиваются на кого-либо изъ случайно встрѣтившихся съ ними лицъ духовнаго званія и всячески стараются озадачить его своимъ фразерствомъ, уснащеннымъ всевозможными терминами научнаго характера, въ свою очередь персыпанными солью извительныхъ остротъ надъ „отсталостію“ духовенства, надъ „застосмъ“ духовнаго просвѣщенія и науки, надъ „невѣжествомъ“ духовенства, надъ „бесплодностію“ или даже надъ „ненужностію“ его служенія, надъ его якобы „дармоѣдствомъ“, „ничего недѣланіемъ“, „вымогательствомъ“ и т. д. и т. д. Но, часто молчаливая, и повидимому безответная, поношаемая личность совершенно неожиданно для красноглазливаго глумителя такъ твердо и основательно, хотя спокойно и достойно, опровергаетъ и даже совершенно разбиваетъ хитросплетенную рѣчь гостинно-салоннаго оратора, такъ документально изобличаетъ его въ его собственномъ невѣжествѣ, въ положительномъ незнаніи предмета своего издѣвательства, что онъ съ позоромъ ступшевывается предъ тѣмъ самымъ обществомъ, кумиромъ котораго такъ недавно желалъ остаться, рукоплесканія или по крайней мѣрѣ одобрительные возгласы котораго уже начали раздаваться за минуту предъ тѣмъ надъ его „многоумною“ головою.. А затѣмъ та самая личность, которую онъ такъ усиливался выставить смѣшною и ничтожною, тутъ же, предъ его глазами и къ его досадѣ, становится предметомъ общаго вниманія, и голосъ ея уже начинаетъ имѣть для всѣхъ авторитетное значеніе. И какъ вѣрны дѣйствительности изображаемые нашимъ авторомъ типы подобнаго рода изъ такъ называемой „интеллигенціи“, какъ любятъ они часто представлять изъ себя героевъ минуты, ораторовъ кружка, шу-

мѣтъ своимъ малосмысленнымъ многорѣчіемъ не только въ свѣтскихъ салонахъ и гостинныхъ, но и въ мѣстахъ болѣе солидныхъ, въ мѣстахъ пріюта науки и просвѣщенія, въ мѣстахъ общественныхъ собраній, а затѣмъ особенно въ излюбленныхъ ими и питающихъ имъ періодическихъ органахъ печати.

Тяжелъ и скорбенъ путь духовенства среди современныхъ обстоятельствъ; глухи уши окружающихъ его къ выслушиванію его увѣщаній и предостереженій, черствы и косны сердца нхъ къ воспріятію благовѣстующаго имъ и поощаемаго ими ученія Христова... И что порукою за то, что безопасна самая жизнь его, обезпечена участь семьи духовнаго лица въ случаѣ безвременной гибели его въ непосильно борьбѣ съ полуязыческою, съ полусектантскою средою? Мы уже знаемъ, что происходитъ съ Церковію и духовенствомъ на инославномъ, а часто и иновѣрномъ и даже вовсе безбожномъ западѣ... Хорошо намъ извѣстны тамошнія, возмущающія душу и вотъ уже цѣлыя десятилѣтія не унимающіяся, антирелигіозныя движенія... „Въ родѣ христіанскомъ, говоритъ Архіеп. Пиканоръ, среди ипославныхъ христіанскихъ исповѣданій, въ наше время мы видимъ уже чудовищное явленіе, что цѣлыя десятки и сотни тысячъ дѣтей, рожденныхъ родителями изъ христіанскаго народа, уже не крестятся, уже отказываются быть усыновленными Богу Отцу и Христу Его и содѣлаться причастниками Духа Святаго“ (т. 1, стр. 215). Понятно, каково отношеніе подобныхъ христіанъ къ служителямъ Церкви на Западѣ при названныхъ обстоятельствахъ. „На Западѣ идетъ разрушеніе религіозныхъ идеаловъ, тамъ вѣроученіе мало по малу переходитъ въ этику рационализма“ (А. А. Кирѣевъ, Ц. Вѣд. № 21 за 1891 г.). Извѣстны печальныя послѣдствія сего, и не даромъ „клерикальныя французскія газеты главною причиною вымиранія населенія во Франціи считаютъ поддерживаемый правительствомъ упадокъ христіанства“ (Моск. Вѣд. № 287 за 1891 г.)

Не въ подобныя ли отношенія подъячасъ готова была бы поставить Церковь къ Государству и значительная часть нашей космополитической интеллигенціи, всячески усиливающаяся проводить въ жизнь начала западно-европейской жизнедѣятельности, отъ которыхъ впрочемъ уже и на Западѣ начинаютъ понемногу отекаться даже усердные и

широковліятельные провозвѣстники оныхъ, особенно подь впечатлѣніемъ ужасовъ послѣдняго времени? Не замѣчасмъ ли мы и доселѣ, не смотря на всю ненормальность явленія, что и въ настоящую пору у насъ и въ періодической печати, и въ живой рѣчи поклонниковъ Запада всячески проглядываетъ эта зловредная тенденція, тотъ пагубный духъ нетерпимости къ религіознымъ началамъ жизни? Не замѣчасмъ ли мы чуть не на каждомъ шагу и того прискорбнаго разединенія, которое даетъ себя знать въ отношеніяхъ между представителями церкви и науки, между носителями духовнаго и свѣтскаго просвѣщенія, между дѣятелями духовными и мірскими? И между прочимъ это печальное явленіе не мало вредитъ серьезному образованію учащагося юношества. Самая постановка преподаванія Закона Божія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ въ высшей степени ненормальна, и лишь въ самое послѣднее время признана эта ненормальность и принимаются мѣры къ ея устраненію; но зло вкоренившееся едва ли скоро будетъ поправлено, не смотря даже на всѣ направленныя къ тому мѣропріятія и это особенно чувствуется тѣми, кто смотритъ на дѣло не съ формально-показной лишь стороны, а съ точки зрѣнія горькой дѣйствительности.

Теперь остановимся на нѣкоторыхъ частностяхъ разсма-триваемаго нами сочиненія — бытовой хроники изъ полной интереса и достойной всесторонняго изученія, а главное справедливаго къ ней отношенія, жизни духовенства, которую, какъ мы замѣтили раньше, нашъ авторъ изображаетъ не въ одномъ только розовомъ свѣтѣ, а согласно дѣйствительности. Между прочимъ въ немъ изображена дореформенная консисторія. Намъ нигдѣ еще не приходилось встрѣчать болѣе яркаго, чѣмъ здѣсь, изображенія тѣхъ злоупотребленій, какія позволяли себѣ совершать лица, вѣдавшія въ прежнее время дѣла духовенства и эксплуатировавшія довѣріе къ нимъ спархіальныхъ архіереевъ. Можно подумать, что это вѣщце отголоски какой либо грубой, глубокой доисторической старины, что это происходило по меньшей мѣрѣ столѣтія тому назадъ; а между тѣмъ все это совершилось чуть ли не вчера, всего десятилѣтія тому назадъ. Видимо, авторъ списывалъ съ натуры, а не выдумывалъ изъ своей головы. Видимо, слишкомъ позорное явленіе изъ быта духовенства во дни

его юности отживало свою жизнь и судорожно боролось за свое существованіе, не желая безъ боя поддаваться уже наносимымъ ему ударамъ.

Вотъ нѣсколько характерныхъ выдержекъ изъ разсматриваемаго нами сочиненія по данному вопросу.

„Невольно приходилъ онъ (Владиславлевъ) въ инныя минуты въ содроганіе при одной только мысли о своей духовной консисторіи, про которую въ ту пору повсюду разносилась самая недобрая слава. Съ мыслию о консисторіи невольно связывалась мысль объ одномъ изъ главныхъ ея воротилъ нѣкоемъ Злобинѣ, имя котораго повсюду среди духовенства въ ту пору произносилось не иначе, какъ съ негодованіемъ. Миновать эту личность Владиславлеву не представлялось возможности, но и дѣла съ нимъ имѣть ему ужасно не хотѣлось. Для свиданія съ Злобинымъ ему нужны были деньги, а онъ самъ въ нихъ очевь нуждался, и самая мысль о подачкѣ Злобину взятки была ему противна, ненавистна и казалась преступною. „Дать этому Іудѣ пять или десять рублей при производствѣ во священники—вѣдь это гадость, это симонія, преступленіе противъ законовъ церковныхъ и гражданскихъ. Неужели я вынужденъ буду это сдѣлать?“ Не разъ задавалъ онъ себѣ такой вопросъ и всякій разъ въ концѣ концовъ приходилъ къ такому заключенію, что если не придется такъ уладить дѣло, окажется необходимость побывать у Злобина и тогда волей-неволей онъ долженъ будетъ что либо дать этому „Столпу Злобы“, какъ духовенство величало Злобина. „Гадко, гадко... мерзко!“—повторялъ онъ самъ себѣ. Невольно мысль его обращалась къ тому, отчего, это духовенство гнется предъ „Столпомъ Злобы“, не протестуетъ противъ его взточничества и само же идетъ къ нему съ этими взятками, такъ сказать, набивается ими. „Ужъ не попробовалъ ли мнѣ счастья начать и довести свое дѣло до конца, не давая Злобину ничего?“—задавалъ онъ себѣ вопросъ. И мысль объ этомъ засѣла въ его голову, такъ что наконецъ онъ рѣшился твердо стоять на своемъ, не давать Злобину ни одной копѣйки и избѣгать самой встрѣчи съ нимъ. Но,—говорится далѣе,—можно было только мечтать о возможности какъ нибудь избѣжать встрѣчи съ Злобинымъ; но не легко было въ самомъ дѣлѣ достигнуть этого. Производство дѣлъ о поступленіи на мѣста всецѣло находилось въ рукахъ Злобина, и каждому дѣлу онъ могъ дать то или другое направленіе, то или другое движеніе по своему личному произволу, если при этомъ не встрѣчалось какихъ либо особенныхъ, чрезвычайныхъ обстоятельствъ, которыя вынуждали его дѣйствовать иначе, чѣмъ какъ бы ему хотѣлось. Но этому то волей-неволей каждому, у кого было въ производствѣ такое дѣло, неминуемо приходилось „повидаться“ съ Злобинымъ и „предложить ему благодарность“ за содѣйствіе въ такомъ дѣлѣ“ (стр. 243—244). Еще: „Злобинъ всесиденъ въ Консисторіи, что хочеть, то и дѣлаеть; а архіерей ничего про эти продѣлки не знаетъ, не вѣдааетъ и, по обычаю, утвердить постановленіе Консисторіи“ (стр. 246). И поэтому мы вполне понимаемъ негодованіе противъ него Владиславлева. „Ахъ, Іуда! Окаянный! Анаема!.. Не даромъ тебя проклинають все наше духовенство... Ограбляя и день и ночь всѣхъ и каждого безъ разбора, не смотря ни на чьи слезы, не щадя

ни вдовъ, ни сиротъ и даже мертвыхъ не оставляя въ покоѣ, по штрафуя ихъ тотчасъ же послѣ ихъ смерти, составляя о томъ журналы заднимъ числомъ, ты еще смѣешь такъ нагло смѣяться надъ бѣдностію нашего духовенства. Копаешь въ тысячахъ, ты и не вѣдаешь, какъ влачить свою плачевную жизнь наше бѣдное и многосемейное духовенство... Мало того ты еще смѣешь такъ дерзко оскорблять самого Бога, награждающаго духовенство многочадіемъ.. Ты смѣешься дерзко надъ тѣмъ, что у священника, служившаго тридцать лѣтъ, было восемь человѣкъ дѣтей, и онъ не оставилъ имъ тысячу; а у самого чуть не вдвое больше было дѣтей, да какихъ! — обратилъ бы на то вниманіе — одинъ другаго уродливѣе, одинъ другаго безнравственнѣе... Не явное ли это тебѣ наказаніе Божіе?. А что еще впереди?..“ (Стр. 252 — 253).

Самъ Преосвященный, слушая сообщеніе Владиславлева относительно пресловутаго Злобина, „не разъ покачивалъ головою, вздыхалъ и говорилъ: „о, Боже мой! Какая жестокость, какое немилосердіе“. Въ тоже время, обращаясь къ Владиславлеву, вступившему въ столкновеніе съ Злобинымъ, онъ предостерегаетъ его: „хорошо, что вы говорите правду въ глаза, не боишься за то мщенія, и вступаешься за несчастныхъ. Но во всякомъ случаѣ вамъ нужно быть осторожнымъ. Вы еще не знаете, что за человѣкъ Карлъ Селивановичъ. Его и я подѣ-часъ уважаю, а подѣ-часъ и побаиваюсь. Онъ очень мстителенъ и имѣетъ у себя сильную заручку въ одномъ родственникѣ. Вамъ, Владиславлеву, продолжалъ онъ, я желаю добра и потому совѣтую вамъ быть осторожнѣе... А то вѣдь, знаете ли, иногда ни за что можно попасть въ бѣду: просто, отъ одного пустаго слова пронадеши.. Суды у насъ устроены очень скверно. Всякому мерзавцу открытъ свободный доступъ привлечь всякаго къ суду Самая пустая, самая кляузная бумаженка должна идти въ ходъ... Начинаются изъ-за нея суды да слѣдствія, которыя иногда тянутся цѣлые годы, испи-сываются цѣлыя кипы бумаги, и все-таки часто не доберешься до истины... переплетутся между собою обѣ стороны такъ, что и рѣшить невозможно, кто дѣйствительно правъ, кто виноватъ. Вонъ, посмотрите, какія кинны дѣла лежатъ на столѣ, и каждая изъ нихъ не болѣе, какъ одно только еще, можетъ-быть, на половину не оконченное судебное дѣло... И извольте тутъ возиться съ ними... извольте читать ихъ по субботамъ, да утѣшаться тѣмъ, какъ тамъ объясняются люди въ своей злобѣ другъ противъ друга и ненависти другъ къ другу.. Такъ-то“.. (Стр. 275—266 и 269).

Вообще нашъ авторъ не жалѣетъ красокъ, чтобы возможно-рельефнѣе обрисовать какъ только что воспроизведенную нами личность, злоупотреблявшую своимъ положеніемъ у кормила епархіальнаго управленія и довѣріемъ архіерея, такъ и другія однородныя съ нею личности. И нужно сказать, что послѣ сего невольно какъ-то чувствуется инстинктивное отвращеніе отъ подобныхъ, позорящихъ духовенство, личностей и отъ ихъ ненасытно — безсовѣстной жадности къ незаконной наживѣ, изъ за которой онѣ въ полномъ

смыслѣ слова не щадятъ ничего святаго, не берегутъ ничего завѣтнаго..

Но за то глубокоотрадное впечатлѣніе производитъ разбираемая повѣсть на читателя тѣмъ, что въ ней съ полною теплотою чувства изображено истинно-гуманное отношеніе къ своимъ бѣдствующимъ сродникамъ или вообще собратіямъ и приснымъ со стороны тѣхъ лицъ изъ духовенства, которыя сами вышли изъ бѣдной среды и поставляютъ своимъ священнымъ долгомъ такъ или иначе помогать имъ и нравственно поддерживать ихъ въ угнетающихъ ихъ нуждахъ и скорбяхъ, не оставляя ихъ и матеріальною помощію. Подобное возрѣніе особенно отратно встрѣтитъ проводимымъ въ печати въ настоящую пору, когда себялюбивыя стремленія современнаго человѣчества повидимому готовы заслонить собою и подавить въ сердцѣ человѣка всякія проявленія гуманности и взаимопомощи. Видимо у автора добрая душа и теплое отзывчивое сердце. А человѣческое отношеніе къ низшимъ членамъ причта указываетъ въ немъ тѣмъ болѣе добросердечнаго человѣка, и особенно въ виду того довольно обычнаго явленія, что старшіе члены причта какъ-то далеко, какъ-то холодно-чиновно держатъ себя по отношенію къ младшимъ, къ низшимъ, относятся къ нимъ какъ-то свысока, обидно-пренебрежительно, чѣмъ конечно прежде всего роняютъ свой собственный авторитетъ и вносятъ существенный вредъ въ дѣло совмѣстнаго съ ними служенія церкви Божіей.. При этомъ невольно хочется думать, что здѣсь между прочимъ напрасно упускается изъ виду замѣчательно гуманный взглядъ на низшихъ членовъ клира, высказанный въ Божѣ почившимъ приснопамятнымъ Казанскимъ архіепископомъ Павломъ въ его извѣстномъ прекрасномъ словѣ, для общаго свѣдѣнія всего православно-русскаго духовенства изъ собранія его сочиненій перепечатанномъ въ № 18 „Церк. Вѣдом.“ за 1892 г., каковое слово, по нашему скромному мнѣнію, положительно слѣдовало бы затвердить на память какъ старшимъ, такъ и младшимъ членамъ причта: высоко гуманный взглядъ на псаломщиковъ, высказываемый именитымъ Архипастыремъ Русской Церкви, несомнѣнно привился бы и къ пастырямъ церкви, часто не уясняющимъ себѣ—своего положенія въ составѣ церковнаго клира и напускающимъ

на себя далеко не свойственную имъ важность.. Да,—пора священнослужителямъ церкви православной перемѣнить свои часто обидныя отношенія къ церковнослужителямъ и чрезъ то между прочимъ себя же самихъ освободить отъ преувеличиваемыхъ иногда нареканій.. Тѣмъ болѣе это важно особенно потому, что жизнь церковнаго клира постоянно на виду у мірянъ, у прихожанъ, и конечно недобрыя явленія этой жизни могутъ служить, да и служить, соблазномъ для послѣднихъ.. Гдѣ же тутъ мѣсто нравственному авторитету священно-церковно-служителей? Какъ могутъ они устроить жизнь своихъ прихожанъ, когда всячески разстраиваютъ свою собственную и часто изъ всякой мелочи утруждаютъ епархіальную власть и архивъ консисторій загромождаютъ массою всевозможныхъ препирательствъ и пререканій? Какъ это грустно, какъ это ненормально! Какъ мало здѣсь замѣтно истиннаго духа христіанства, живонснаго вѣянія благодатной любви Христовой, внушающей намъ съ братскою готовностію *носить тяготы другъ друга и чрезъ то исполнять законъ Христовъ*.. Какъ несогласно это съ заповѣдію первоверховаго Апостола Христова, обращаемую имъ къ пастырямъ Церкви: *пасите еже въ васъ стадо Божіе, посѣщающе не нуждею, но волею и по Бозь, ниже неправедными прибытки, но усердно: ни яко обладающе причту, но образи бывайте стаду* (1 Петр. V, 2—3). Гуманное отношеніе къ низшимъ членамъ клира, указываемое почтеннымъ авторомъ „Владиславлева“ неоднократно на страницахъ его хроники, заслуживаетъ полной похвалы и сочувствія. Мы, конечно, далеки отъ того, чтобы во всемъ извинять и низшихъ членовъ клира, нерѣдко подающихъ поводъ къ нежелательному отношенію къ нимъ со стороны высшихъ; но въ данномъ случаѣ предъ нашимъ мысленнымъ взоромъ опять предносится заповѣдь другаго первоверховаго Апостола Христова, Апостола языковъ: *братіе, аще и впадетъ человекъ въ нѣкое прегрѣшеніе, вы духовнии исправляйте таковаго духомъ кротости: блюдыи себе, да не и ты искушенъ будеши. Другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ* (Гал. VI, 1—2). А кому, какъ не русскому православному духовенству, по преимуществу предлежитъ, и особенно въ нынѣшнее смутное въ религіозномъ отношеніи время,

другъ друга тяготы носить? Не по преимуществу ли въ настоящее время ему особенно нужно крѣпко сплотиться и дружно бороться со всевозможными врагами вѣры и Церкви Божіей, настойчиво стремящимися нынѣ къ своимъ преступнымъ цѣлямъ и для сего не разбирающими средствъ? Объ этомъ стоитъ серьезно призадуматься, и во всякомъ случаѣ русскому православному духовенству далеко не къ лицу поддерживать въ своей средѣ эту пагубную рознь, которая въ высшей степени смущаетъ и даже возмущаетъ cadaго благомыслящаго сына Церкви.. а враги Церкви пользуются этимъ и всячески содѣйствуютъ этому.. Ахъ, какъ далеки мы отъ высшаго идеала жизни, начертаннаго для всѣхъ насъ еще древле богомудрымъ псалмопѣвцемъ Израилевымъ: *се что добро или что красно но еже жити братіи вкупѣ? — Яко тамо заповѣда Господь благословеніе и животъ до вѣка* (Псал. СХХХІІ, 1—3). А съ другой стороны, при ненормальныхъ взаимныхъ отношеніяхъ между собою членовъ церковнаго клира, какимъ обличеніемъ должны постоянно звучать для нихъ торжественно-призывные возгласы Церкви: *возлюбимъ другъ друга, да единомыслиемъ исповѣмы Отца, и Сына, и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣльную!*

Однако, послѣдуемъ дальше за нашимъ авторомъ, хотя мы не беремъ сдѣлать полного обозрѣнія его обширнаго и многосодержательнаго сочиненія, а останавливаемся лишь на томъ, что особенно насъ заинтересовало и что дѣйствительно невольно приковываетъ къ себѣ вниманіе читателя. Прочтите напр. VI главу въ III томѣ, подъ заглавіемъ; „Исполненіе порученія отца“ (стр. 110—138).

Приведемъ здѣсь для образца тираду, которую произноситъ Владиславлевъ, съ негодованіемъ обращаясь къ столѣтнему старику-колдуну-шарлатану. „Ахъ, Парамонычъ, грѣхободникъ ты этакій!—Такъ вотъ какой ты благочестивый-то человѣкъ у насъ.. Ты лицемѣръ величайшій... ты въ церкви, на виду у всѣхъ, плакалъ и молился повидимому усердно, а здѣсь, у себя дома, вотъ какія мерзости творилъ... Ты идолопоклонникъ великій и жрецъ древней Астарты.. Тебѣ и въ адѣ-то мѣста мало.. Сколько ты на своемъ вѣку погубилъ душъ человѣческихъ?. Припомни это и раскайся въ томъ, душегубецъ.. Не смѣй оправдываться въ своихъ дѣлняхъ предо мною.. Я и прежде зналъ, что ты творилъ здѣсь такія мерзости, и хотѣлъ обличить тебя, хотѣлъ застать тебя за этими мерзостями, на мѣстѣ преступленія, вразумить и наставить на истинный путь покаянія.. Ахъ, ахъ, ахъ, Парамонычъ! Какъ только земля тебя

носить, такого беззаконника? Какъ громъ небесный не поразить тебя и мать-сыра-земля видно не принимаетъ къ себѣ, оттого ты и живешь такъ долго.. Ты слуга самого дьявола, и тебѣ на томъ свѣтѣ мѣсто приготовлено сатаною рядомъ съ самимъ Іудою предателемъ.. Покайся, Парамонычъ... покайся, любезный, пока еще время не ушло. Миѣ жаль тебя, и я хочу тебя вразумить. Брось ты все эти мерзости (возмутительный развратъ и содѣйствія-разврату), плачь, вздыхай и молись и день, и ночь, чтобы избѣжать будущихъ мукъ въ адѣ.—Брось ты все это.. брось и думай только о своей смерти.. вѣдь ты думаешь, что она далеко еще, анъ нѣтъ... она близка.. вонъ, посмотри, какъ она уже у тебя за плечами стоитъ и точить свою косу... Парамонычъ,—продолжаемъ выписку дальше,—вздвогнулъ и быстро обернувшись назадъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ взглянуть на ту самую смерть, которая стоитъ у него за плечами и точить свою косу, чтобы сразить его.. Подъ вліяніемъ этого-то страха смерти Владиславлевъ и оставилъ своего новаго знакома, сказавши ему при прощаньи: „моли Бога, Парамонычъ, чтобы смерть нынѣ же ночью не соскочила тебя, какъ величайшаго нечестивца.. вѣдь ты же тутъ одинъ-одиношеньекъ.. прихватить, такъ и за священникомъ некого будетъ послать.. Прощай! Завтра я рано приду справиться, живъ ли ты“. И Парамонычъ цѣлую ночь никакъ не могъ усноконься и заснуть. Его давилъ кошмаръ: лишь только онъ заведетъ свои глаза, какъ сейчасъ же ему кажется, что съ одной стороны страшная смерть взмахиваетъ на него своею острою косою, а съ другой—самъ безобразный сатана хватается его своими ужасными лапами; откроетъ глаза, и опять страхъ и ужасъ, предъ нимъ мелькаютъ маленькіе призраки—души изведенныхъ имъ еще во чревѣ матерей младенцевъ, которые указываютъ на него, какъ на своего душегубца. Такой ужасной ночи онъ никогда еще не проводилъ. Это отрезвило его, и онъ дѣйствительно твердо рѣшился во всемъ раскаяться предъ Господомъ и бросить свое колдовство“ (стр 122—123).

Вотъ еще образчикъ того, какъ этотъ колдунъ говорилъ къ народу (къ барщинѣ): „Ну, молись, крестись, морва окаянная, чухна нумытая!.. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, дѣйствіемъ Зосима и Савватія, повелѣніемъ Юхвитера (Юпитера) и Вяниры (Венеры) и т. д. Парамонычъ крикнулъ это на всю барщину какимъ-то особеннымъ, могучимъ, громовымъ голосомъ. И нужно было видѣть всю барщину, чтобы понять, какое магическое дѣйствіе произвели на всѣхъ его слова! Народъ просто оцѣнилъ отъ паническаго таинственнаго страха предъ своимъ знахаремъ. А Парамонычъ не дремалъ. Обведя предъ собою кругъ на току, онъ воткнулъ въ землю свою желѣзную палку, описалъ ею кругъ въ воздухѣ надъ всею молодою барщиною, и потомъ, снова воткнувши палку на прежнее мѣсто, закричалъ:

Какъ на морѣ-оксанѣ,
 На великомъ на буяпѣ
 Есть тамъ славный богатырь,
 Бѣлый камень Алатырь,
 За двѣнадцать стѣнами,
 За желѣзными вратами,
 За тринадцать цѣпиями,
 За пятнадцать замками и т. д.....

Ты приди, нашъ царь премудрый,
 Ненаглядный, бѣлокудрый,
 Ты Александра Македонскій,
 Побѣдитель Теръ-Сидонскій.. и т. д.

На минуту Парамонычъ остановился, окинулъ своимъ взглядомъ всю молодую барщину, сдѣлалъ предъ собою другой кругъ, дунулъ, плюнулъ на всѣ четыре стороны, потомъ палкою своею въ воздухъ описалъ кругъ и сказалъ громко: „Пошли Господи!!.. Далѣе слѣдуютъ новыя причитанія колдуна-шарлатана, видимо сильно возобладавшаго надъ народною массою и командовавшаго ею по свѣому—до того, что она была слѣпымъ и послушнымъ орудіемъ въ его рукахъ.. (Стр. 127—129).—Между тѣмъ Владиславлевъ въ теченіе этихъ двухъ недѣль не бездѣйствовалъ. Одна цѣль была достигнута, но ему хотѣлось достигнуть еще и другой цѣли,—хотѣлось совершенно отвратить народъ отъ всякаго рода суевѣрій и знакомства съ знахарями, колдунами и колдуньями. Но какъ это лучше всего сдѣлать? Сказать поученіе? Но какъ бы оно ни было краснорѣчиво и убѣдительно, этого одного будетъ недостаточно. Онъ хорошо понималъ, что какъ бы ни была хороша его проповѣдь, одно противъ нея слово какого-нибудь вожака народнаго,—и оно останется бездѣйственнымъ, и что напротивъ того подтвержденіе его словъ такимъ народнымъ авторитетомъ, какъ Парамонычъ, можетъ принести огромную пользу. По этому въ теченіи этихъ двухъ недѣль Владиславлевъ все вниманіе сосредоточилъ на приведеніи Парамоныча къ полному раскаянію въ своихъ грѣхахъ и расположеніи его къ тому, чтобы онъ самъ же предъ всѣмъ народомъ открыто объявилъ, что и онъ самъ и всѣ прочіе знахари, колдуны и колдуньи, свахи и бабки—повпалки только лишь морочили народъ всѣми своими „наговорами“, напелтываніями, умываньями и т. п., и что истинная причина такого явленія, какъ нерожденіе дѣтей до семи лѣтъ отъ замужества, заключается въ томъ ядѣ, который свахи даютъ молодымъ нить въ водѣ. Парамонычъ дѣйствительно всѣхъ сердцемъ раскаялся предъ Богомъ и о. Петромъ (отцемъ Владиславлева) во всѣхъ своихъ преступныхъ дѣяніяхъ знахарства и обѣщалъ Владиславлеву оказать свое содѣйствіе въ дѣлѣ вразумленія народа (132—133 стр.). И дѣйствительно Владиславлевъ совмѣстно съ образумленнымъ имъ Парамонычемъ разоблачилъ знахарство, колдовство и всякаго рода суевѣрія, доказывая народу, какъ они преступны и къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ приводятъ тѣхъ, кто ими занимается или къ нимъ, обращается, и убѣждая всѣхъ обратиться всѣмъ сердцемъ къ Богу. И онъ достигъ своей цѣли и въ этомъ отношеніи оказалъ важное содѣйствіе своему отцу, священнику.—Интересно между прочимъ слѣдующее указаніе въ книгѣ на значеніе деревенскаго знахаря. „На слѣзующій день утромъ на барщину явились и старики всѣ, чтобы послушать, какъ Парамонычъ будетъ разсказывать всѣмъ про себя же самого и про другихъ „диковинныя вещи“. Явились туда и Владиславлевъ, и управляющій имѣніемъ. Пришолъ наконецъ и Парамонычъ. Вся толпа и разсту-

палась предъ нимъ, какъ бы предъ высшимъ начальникомъ, и отвѣсила ему низкій поклонъ, но въ тоже время и безмолствовала (стр. 134). Парамонычъ ведетъ своеобразную рѣчь къ внимающему съ замираніемъ сердца народу. Въ заключеніе рѣчи онъ присоединяетъ: „Я вамъ сущую правду говорю... И больше никогда ни къ какимъ знахарямъ и колдунамъ не ходите ни за чѣмъ... Это одинъ только грѣхъ... пагуба своей душѣ.. Я каюсь во всемъ предъ Богомъ и предъ вами.. Простите меня, великаго грѣшника.. Парамонычъ наль и поклонился всѣмъ до земли, со слезами на глазахъ прося у всѣхъ прощенія (стр. 136).—„Теперь одно только остается,—заканчиваетъ свое обращеніе къ народу Парамонычъ: всѣмъ бабамъ-дурамъ ити поскорѣе къ попу, да рассказать ему все по совѣсти, по душѣ, чтобы, значить, онъ, „питимѣе“ на всѣхъ наложилъ. Вся барщина была поражена словами Парамоныча: мужики узнали отъ него о дѣяніяхъ своихъ женъ, а бабы были имъ обличены въ этихъ преступныхъ дѣяніяхъ.—Отродясь, Парамонычъ, мы ничего такого не слыхивали, сказалъ одинъ малый. По дѣлу выходить, что всему виною эти проклятыя вѣдьмы... свахи, да наши старухи. За это слѣдуетъ съ ними раздѣлаться... Тузить ихъ нужно.. Малый поднялъ свой здоровый кулачище и дѣйствительно уже готовъ былъ броситься на одну сваху, стоявшую тутъ же, и вся барщина цришла въ волненіе. Не мудрено, что совершилось бы и убійство. Но Парамонычъ успѣлъ предупредить это во время.—Молчать! Крикнулъ онъ на малаго. Прошлаго не вернешь; а чтобы впередъ этого не было, не берите свахъ на свадьбу,—вотъ вамъ, и все... да покайтесь всѣ.—Спасибо тебѣ, Парамонычъ, что ты наставилъ насъ на истинный путь; а то мы погибли бы во грѣхахъ.

— Отчего же погибли бы? возразилъ Владиславлевъ. Развѣ у васъ священника нѣтъ, или онъ васъ не учитъ истинѣ?

— Какъ же! возразила одна женщина. Намъ небось свахи-то да матери наши говорили, чтобъ мы съ тѣмъ и умирали, а попу на искувѣди не сказывали про свои незаконныя дѣла, и что не рожать по семь лѣтъ, али съ свекоромъ жить не грѣхъ, а спасенье... на томъ свѣтѣ, вишь, за это не заставятъ лизать языкомъ кипучую смолу, да съ самимъ сатанюю жить какъ съ мужемъ... Это, вишь, такъ Варвара мученица сказывала бабушкѣ Василисѣ, когда она обмирала, да съ нею на томъ свѣтѣ по мукамъ ходила.— Вотъ вы и вышли бабы дуры, сказалъ Парамонычъ: нашли кому вѣрить. Василиса-то твоя была первая въ селѣ, „гуляющая“ бабенка, и обмирать-то вздумала потому, что мужъ ее билъ за эти „гуляшки“, да къ палатамъ на ночь привязывалъ... Послѣ обмиранья-то ей своя воля была: мужъ все нилъ, а къ ней вы ходили на поклоны, да холсты ей носили... Она, невѣсть что, и говорила вамъ про тотъ свѣтъ.. гуляла пуще прежняго, да издохла безъ покаянія.. Подумай-ко ты, хорошо ли это? Парамонычъ попалъ въ самое больное мѣсто всего народа, разоблачивши дѣяніе обмиралки Василисы, которая слыла въ народѣ за святую. И народъ задумался надъ тѣмъ, слѣдуетъ ли подобнымъ людямъ вѣрить?.. (Стр. 137—138).

Мы нарочно остановились съ нѣкоторою подробностію

на приведенномъ эпизодѣ изъ повѣсти „Владиславлевъ“, съ цѣлію показать, какія большія стороны изъ народной жизни затрогиваетъ нашъ авторъ, какъ ихъ рельефно и жизненно обрисовываетъ и къ какой важной и отвѣтственной дѣятельности тѣмъ призываетъ онъ приходское духовенство, обязанное уже по долгу своего служенія врачевать эти язвы народныя. Уже замѣчено періодическою прессою, что не такъ грозны пронесшіяся и еще отчасти тяготѣющія надъ русскимъ народомъ стихійныя бѣдствія—голодь и эпидемія, какъ та ужасная язва всевозможныхъ подозрительныхъ и заразительныхъ болѣзней, которая жестоко изъѣдаетъ въ послѣднее время народный организмъ—да и не въ Россіи только, а повсюду, и что съ этою злокачественною язвою нужно серьезно бороться, нужно предпринимать противъ нея радикальное врачеваніе. Иначе по неожиданностію будетъ и у насъ повсемѣстно слышать тѣ вѣщія стоны, которые уже раздаются въ средѣ французскаго народа, содрогающагося при видѣ своего вымиранія, уменьшенія народонаселенія страны, оскуднѣнія стихійно-физическихъ силъ націи, именно по преимуществу вслѣдствіе ужаснаго развитія упомянутыхъ болѣзней, при чемъ ложно направляемая, часто безрелигіозная, часто безнравственная цивилизація всячески содѣйствуетъ этому роковому бѣдствію народовъ, кощунственно издѣваясь въ то же время надъ всевозможными мѣропріятіями церкви къ обузданію царящаго зла и къ пресѣченію его источниковъ. Надъ этимъ стоитъ призадуматься, не упуская при этомъ изъ виду, что безъ живаго сочувствія отрезвляющему направленію со стороны дѣятелей истинно религіозныхъ и твердо-нравственныхъ, никакія внѣшнія мѣропріятія не ослабятъ зла, не помогутъ горю... и потому было бы большою ошибкою не прислушиваться къ голосу подобныхъ дѣятелей, не призывать ихъ къ участію въ уврачеваніи губельныхъ язвъ народныхъ. И никакая наука, и никакая внѣшняя сила не помогутъ тамъ, гдѣ не будетъ призвано къ должной дѣятельности религіозное начало и гдѣ не будетъ строго обуздываться всякое противленіе ему, всякое издѣвательство надъ нимъ, что нынѣ въ такой модѣ у многихъ и многихъ...

Чтеніе изложенной главы въ разсматриваемой повѣсти неволью заставило насъ призадуматься надъ тѣмъ, какъ

много, какъ необычайно много представляется русскому православному духовенству важнаго и неотложнаго дѣла въ должномъ воздѣйствіи на народѣ, и доселѣ еще въ цѣлыхъ массахъ своихъ погруженный въ непроглядную тьму невѣжества, которою такъ ловко пользуются часто всяческіе проходимцы, прикидывающіеся истинными его друзьями, — какой въ полномъ смыслѣ миссіонерскій подвигъ предстоить каждому духовному лицу, вращающемуся среди народа, и именно каждому входящему въ составъ священно-церковно-служителей; при чемъ намъ хорошо извѣстно, что часто и церковно-служители могутъ быть почти что одинаково полезны въ этомъ важномъ дѣлѣ, какъ и священнослужители, и особенно если взять во вниманіе обычно большую доступность для народа однихъ сравнительно съ другими, чѣмъ такъ дорожить народъ и чѣмъ такъ умѣло пользуются раскольники и сектанты. И мы вполне увѣрены, что не на однихъ окраинахъ Руси многомилліонной, но и въ самыхъ центрахъ ея народной жизни для истиннаго пастыря церкви и его ближайшихъ сотрудниковъ, найдется еще и теперь столько ожидающаго его дѣла, что онъ въ волю можетъ потрудиться подвигомъ апостольскимъ, подвигомъ миссіонерскимъ. Не говоримъ о темномъ расколѣ, о лукавомъ сектанствѣ, — среди кореннаго православнаго населенія для него еще много предстоить серьезнѣйшей духовно-просвѣтительной работы — и при томъ часто тамъ, гдѣ онъ таковой не подозрѣваетъ и гдѣ послѣдняя можетъ обнаружиться лишь при болѣе тѣсномъ сближеніи съ народомъ, что еще во многихъ отношеніяхъ составляетъ предметъ желаній и ожиданій, хотя всегда должно быть прямымъ дѣломъ, ближайшею задачею духовенства... Да, нельзя пожаловаться русскому духовенству на недостатокъ дѣла... Стоитъ только недремленно прикладывать ему свои руки къ этому повсюду ожидающему его дѣлу, а не выжидать, пока въ среду насомыхъ со всѣхъ сторонъ будутъ проникать лютые волки въ овечьей шкурѣ и всячески развращать и совращать съ пути истины неопытныхъ.

Весь 3-й томъ повѣсти „Владиславлевъ“ полонъ неистощимаго интереса; но особенно выдаются многосодержательностію и занимательностію слѣдующія его главы: VI. Исполненіе порученія отца, VIII, Поѣздка въ Зеленоводскъ,

XIV. Подача прошенія на мѣсто, XVI. Театроманія семинаристовъ, XVIII. Семинарскій театръ, XIX. Обстановка, XX. Семинарскій классическій праздникъ, XXIV. Конференція въ Семинаріи, и XXVII. Отправленіе Владиславлѣва въ Академію.

Съ неменьшимъ интересомъ читается и 4-й, послѣдній томъ „Владиславлѣва“. Герой повѣсти поступилъ наконецъ въ академію, къ которой такъ неудержимо стремился всегда, не смотря на всевозможныя препятствія къ тому; блистательно окончилъ въ ней курсъ высшаго образованія и затѣмъ сдѣлался достойнымъ дѣятелемъ на избранномъ имъ жизненномъ поприщѣ. Въѣстѣ съ тѣмъ, онъ соединилъ свою судьбу съ тою свѣтлою личностію, возможность брака съ которою считалъ почти неосуществимою радужною мечтою, и именно съ дочерью графа Дикопольскаго Людмилою, бывшею для него во все время его семинарскаго и академическаго образованія благодѣтельнымъ геніемъ. При этомъ замѣчательно, какъ силою своего ума, благородствомъ своего характера и другими выдающимися качествами своей личности Владиславлѣвъ даже безъ всякой задней мысли такъ воздѣйствовалъ на непреклонную въ вопросахъ о сословности личность графа Дикопольскаго, что сей послѣдній съ любовію назвалъ его своимъ зятемъ и отъ души радовался счастію вышедшей за него своей любимой дочери. Замѣчательно и то, что достигнутое Владиславлѣвымъ счастье не вскружило ему головы, не поставило его на противныя ему ходули, не отвратило его взоровъ и симпатій отъ той скромной среды, въ которой онъ возросъ и воспитался, отъ которой заимствовалъ силы для высшаго духовнаго развитія, — и это конечно потому, что то счастье жизни было вполнѣ заслужено имъ, а не явилось для него какою либо случайностію.

Въ 4-мъ томѣ, такъ сказать, подводятся итоги всему тому, что раньше было преднамѣчено какъ цѣль, какъ возможность, а иногда какъ едва осуществимая мечта.

Изъ отдѣльныхъ главъ 4-го, также какъ и первые три, обширнаго тома (въ немъ 610 стр.), по нашему мнѣнію особенное вниманіе останавливаютъ на себѣ слѣдующія: IV. Новый типъ на Руси и новое горе для духовенства, VI. Горькая исповѣдь Тихомировыхъ. VII. Посѣщеніе Го-

ликова, VIII. Поѣздка въ Соколовскую (Оптину) пустынь, IX. Дамаскинская (Жабынская) пустынь, X. Подначальные, XI Жертва отмищенія, XV. Любительскій спектакль, XVI. Поѣздка съ архіереемъ по епархіи, XVII. Приѣздъ въ Дикополье, XXI. Обращеніе раскольниковъ, XXIII. Позолоченный орѣхъ, XXIV. Бесѣда владыки о бракѣ, XXVII. Производство слѣдствія, XXIX. Побѣда надъ врагами, XXX. Жертва принесенная графомъ, XXXI. Великая радость для родителей, и XXXIV. Посвященіе во священника. — Въ частности, невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе слѣдующія страницы IV тома повѣсти: 105—109, 115—128 и 181—185, изъ коихъ въ первыхъ замѣчательно рельефно изображаются злоупотребленія церковныхъ старость довѣряемыми имъ церковными суммами, во вторыхъ рисуется безобразный нигилистъ-развратникъ и его чудовищная мать, во всемъ потакающая ему, и въ третьихъ дѣлается характеристика семинарскаго образованія, при чемъ бросается практическій взглядъ на преподаваніе классическихъ языковъ въ духовныхъ семинаріяхъ Впрочемъ, по существу дѣла, трудно сказать, чтобы какая либо изъ главъ не только этого обширнаго тома, но и всей 4-хъ томной громадной (въ 2.341 большихъ страницъ) повѣсти была не интересна. И это не наше лишь собственное мнѣніе, но и мнѣніе почти всѣхъ, кто читалъ эту повѣсть изъ числа извѣстныхъ намъ лицъ, — говоримъ почти всѣхъ, т.-е. за исключеніемъ тѣхъ, кто слишкомъ много предубѣждены противъ духовенства и у кого естественное сочувствіе къ оному насильно и искусственно задерживается впечатлѣніями тенденціозной, неблаговолящей къ духовенству беллетристики. Но конечно сила вещей беретъ свое, — и никакая тенденція не заглушитъ дѣйствительность. А съ другой стороны какъ-то грустно читать такое, напр. признаніе автора разсматриваемой нами повѣсти въ предисловіи къ I тому ея, вышедшему еще въ 1883 году: „Сочиненіе это писано было нами еще въ бытность нашу въ богословскомъ классѣ семинаристовъ и по окончаніи курса семинаріи во время жизни нашей въ деревнѣ. Въ свое время оно могло бы имѣть со-всѣмъ иное значеніе, чѣмъ теперь; но ему не суждено было появиться на свѣтъ Божій въ то время, потому что тогда въ толстыхъ журналахъ любили помѣщать одни только пасквили на семинаристовъ и духовенство, а правдиваго слова не хотѣли и видѣть въ печати; у насъ же самихъ не было никакихъ средствъ на изданіе столь обширнаго труда, состоящаго изъ че-

тырехъ большихъ томовъ“ (т. 1, стр. IV). Но конечно теперь уже не то, что было раньше сего, и современная тенденціозность, враждебная духовенству, является лишь слабою пародією прежней, скучными перепѣвами, замирающими отголосками той, принципиально враждебной, злонамѣренно отрицательной. И потому въ предисловіи ко 2-му тому „Владиславлева“, изданному въ 1884 году, мы уже встрѣчаемъ такіа строки автора повѣсти: „Первый томъ настоящей нашей повѣсти былъ весьма благосклонно принятъ читателями и въ особенности читательницами духовнаго званія. Не только отъ духовныхъ, но и отъ свѣтскихъ лицъ мы получили много заявленій благодарности за доставленное имъ удовольствіе чтеніемъ „Владиславлева“ и просьбъ о скорѣйшемъ напечатаніи второй части. Отмѣна прежнихъ приемныхъ экзаменовъ при поступленіи учениковъ духовныхъ училищъ въ семинарію, о необходимости чего мы говорили въ главѣ XII первой части и едва ли не первые въ 1876 году возбудили въ литературѣ и обществѣ вопросъ напечатаніемъ этой главы въ „Иллюстрир. Газетѣ“ Баумана, — еще большую возбудило благодарность намъ въ сердцахъ многихъ читателей, имѣющихъ дѣтей въ духовныхъ училищахъ. Просьбы ихъ о скорѣйшемъ напечатаніи второй части повторились. Все это заставило насъ поспѣшить напечатаніемъ второй части“ (т. II стр. III). Въ предисловіи къ 3-му тому мы уже читаемъ слѣдующее. „Второй томъ нашей повѣсти еще болѣе благосклонно, чѣмъ первый, былъ принятъ многочисленными нашими читателями, и мы получили много писемъ изъ разныхъ концовъ Россіи, даже и изъ странъ сибирскихъ, съ выраженіемъ намъ, съ одной стороны, благодарности за правдивое изображеніе быта и нравовъ семинаристовъ и духовенства въ дореформенное время, а съ другой — удивленіе тому, что даже и въ отдаленныхъ частяхъ нашей матушки Россіи бытъ этотъ и нравы были таковы же, какъ и въ той епархіи, которую мы имѣли въ виду. Всѣмъ, какъ видно изъ писемъ, видится и слышится здѣсь свое собственное, родное, пережитое, передуманное и перечувствованное въ свое время, а не вымышленное досужею фантазією такого писателя, который и не бывалъ никогда въ семинаріи, а берется что либо писать о семинаристахъ и духовенствѣ.— Все это обязывало насъ поспѣшить выпускомъ въ свѣтъ третьяго тома „Владиславлева“; но недостатокъ средствъ на это новое изданіе удерживалъ насъ отъ самой даже мысли объ этомъ. Такъ прошло почти 8 лѣтъ со времени выхода въ свѣтъ втораго тома. Но и теперь мы рѣшились приступить къ столь трудному для насъ дѣлу лишь благодаря нѣкоторой помощи, оказанной намъ однимъ высокопросвѣщеннымъ и высокопоставленнымъ лицомъ. Принося ему за это благодарность, мы въ тоже время отъ души благодаримъ и того, неизвѣстнаго намъ по имени и общественному положенію автора, который въ № 4-мъ „Церк.-Общ. Вѣстника“ за 1885 годъ далъ свой весьма правдивый отзывъ о первыхъ двухъ томахъ настоящей нашей повѣсти. Приносимъ, наконецъ, свою благодарность и всѣмъ читателямъ нашихъ повѣстей за ихъ благосклонное вниманіе къ нимъ“ (т. III, стр. 1—11). Наконецъ, въ предисловіи, къ 4-му послѣднему тому „Вла-

диславлева“ мы читаемъ слѣдующее сообщеніе автора; при чемъ оговариваемся, что передача здѣсь подобныхъ авторскихъ заявленій имѣетъ свое значеніе въ томъ особенно смыслѣ, что наглядно указываетъ на то, при какихъ обстоятельствахъ выходятъ въ свѣтъ иногда замѣчательнѣйшія произведенія печати, по пословицѣ: *habent suum fatum libelli*.. „Приступивши къ изданію третьяго тома настоящей нашей повѣсти, мы, говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи къ нему, думали отложить изданіе четвертаго тома на неопредѣленное время по неимѣнію никакихъ къ тому средствъ. Но поставили мы себя на мѣсто читателей и пришли къ мысли о совершенной необходимости теперь же приступить къ изданію и этого тома, чтобы естественное любопытство читателей было удовлетворено и самое описаніе быта и нравовъ духовенства было до извѣстной степени полно. Въ тоже самое время мы вполнѣ увѣрены были, что достопочтеннѣйшій содержатель типографіи С. Е. Добродѣевъ при этомъ случаѣ окажетъ намъ такое же довѣріе и столь же великое вниманіе къ нашему труду, какъ и прежде оказалъ намъ при изданіи нами первыхъ двухъ томовъ. Того, что онъ сдѣлалъ для насъ тогда, конечно, никакой другой содержатель типографіи не сдѣлалъ бы никогда для насъ, какъ чловѣка совершенно незнакомаго ему. За эту великую его услугу намъ мы считаемъ своимъ долгомъ и пріятнѣйшимъ для себя удовольствіемъ, при настоящемъ случаѣ, печатно выразить ему самому и его любезнѣйшей супругѣ самую искреннюю благодарность, какъ покровителямъ труда, поднятаго нами еще въ юношесствѣ и, при помощи Божіей, совершеннаго въ ту пору, когда мы только что стали приходить въ возрастъ мужества, а при изданіи только лишь по мѣстамъ исправленнаго. Почти четверть вѣка пролежали у насъ въ столѣ послѣдніе два тома настоящей нашей повѣсти, и еслибы не С. Е. Добродѣевъ, оказавшій намъ великое довѣріе и вниманіе къ нашему труду, быть можетъ, оба эти тома и никогда не увидѣли бы свѣта. Не интереса ради, а единственно правды ради писали мы настоящую свою повѣсть, желая представить картину быта и нравовъ семинаристовъ и духовенства шестидесятихъ годовъ въ томъ именно видѣ, въ какомъ она въ свое время представлялась нашему взору, и притомъ въ ту именно пору, какъ въ литературѣ царя „помяловщина“, возмущавшая семинаристовъ своею жизненною неправдою, и сталъ нарождаться новый типъ такихъ писателей, которые доселѣ еще пробавляются собираніемъ насквицей, побасенокъ и сказокъ про духовенство чуть-чуть не во всѣхъ своихъ произведеніяхъ беллетристическихъ, касавшихся духовенства, съ предвзятою мыслию унижить его и очернить. Насколько представляемая нами картина понравилась, и духовнымъ, и свѣтскимъ читателямъ, это можно видѣть изъ того, что очень многіе обращались къ намъ съ просьбою продолжать свой трудъ описаніемъ быта и нравовъ духовенства въ самую пору реформъ и въ слѣдующее время до начала девяностыхъ годовъ. Конечно, это было бы весьма хорошо, но, при множествѣ лежаныхъ на насъ обязанностей въ настоящее время, мы и думать объ этомъ не рѣшаемся, предоставляя всё времени и воли Божіей“ (т. IV, стр. III—IV).

Съ своей стороны выскажемъ пожеланіе, чтобы досто-почтенный авторъ „Владиславлева“ хотя со временемъ изобразилъ и быть русскаго православнаго духовенства и его учащагося юношества, какъ въ самую пору реформъ шестидесятыхъ годовъ и ближайшихъ къ нимъ, такъ и за послѣдующее время хотя бы даже и до текущихъ дней. Тема очень благодарная, время для этого самое благопріятное и, ко всему этому, по нашему мнѣнію, для него это самое подходящее дѣло, у него есть всѣ данныя для подобнаго труда,—не то что у случайныхъ писателей о духовенствѣ, и было бы крайне нежелательно, если бы подобное дѣло взяло на себя лицо мало къ тому подготовленное и тѣмъ болѣе съ предвзятыми тенденціями. А нашъ авторъ настолько освѣдомленъ въ предметѣ своего труда, настолько проникнуть мыслию сказать правдивое слово о духовенствѣ, что нужно только сердечно пожелать, чтобы у него достало силъ и времени для такого важнаго дѣла.

Что касается уже сдѣланнаго имъ, то его книга, намъ думается, можетъ имѣть глубоконазидательное значеніе, какъ для всего духовенства вообще, такъ въ частности для его учащагося юношества, и потому ознакомленіе ихъ съ нею, серьезное ознакомленіе, было-бы весьма желательнымъ. Прочтеніе этой книги будетъ важно для нихъ уже въ томъ отношеніи, что прежде всего установить ихъ на той точкѣ зрѣнія, съ которой они должны смотрѣть на самихъ же себя—вмѣсто того, чтобы присматриваться къ себѣ и—не узнавать себя въ тѣхъ пародіяхъ на духовенство, которыхъ къ нашему времени такъ много появилось въ періодической прессѣ, почти совершенно вырвавшей книгу изъ рукъ современнаго читателя. Да и пора духовенству и его молодому поколѣнію знать себя какъ должно, пора и сказать каждому о себѣ самомъ и объ окружающихъ его должное слово; къ этому все призываетъ нынѣ русское духовенство;—пора и всѣмъ имѣющимъ такое или иное отношеніе къ духовенству,—а кто его не имѣетъ,—надлежащимъ образомъ прислушаться къ этому слову, исходящему изъ устъ самого духовенства, а не пробавляться тѣмъ, что скажутъ о немъ другіе, часто вовсе его не знающіе, часто злонамѣренныя, часто односторонне-тенденціозныя... Слава Богу, духовенство — сила, крѣпкая не своимъ лишь авто-

ритетомъ, но, что особенно важно, авторитетомъ горнимъ, сила, съ которою нужно вѣдаться, а не игнорировать его равнодушно, не издѣваться надъ нею легкомысленно, какъ вошло-было это въ моду во *вчерашней* литературѣ.., и *нынѣшня*, при всей своей склонности къ тенденціозности, начинаетъ изображать изъ себя уже нѣчто иное, конечно, приходя къ сознанию, что всему свое время, что не надъ всѣмъ же можно глумиться безнаказанно, не все третировать свысока, но сперва слѣдуетъ посерьезнѣе разузнать что либо о предметѣ, а потомъ уже и касаться его съ претензіями знатока... Заключимъ нашу рѣчь словами проф. Н. Барсова, отдающаго должное вниманіе русскому православному духовенству. „Изъ образованныхъ классовъ на Руси, говоритъ онъ, сельское духовенство — единственное сословіе, поставленное непосредственно, лицомъ къ лицу, съ народомъ; оно — естественный, призванный его вождемъ на пути духовнаго развитія и печальникъ о всѣхъ его нуждахъ. Въ его рукахъ, больше чѣмъ въ чьихъ либо иныхъ, духовное будущее нашего народа. Потому-то намъ дороги сочувственныя и заботливыя отношенія къ нему, какія отъ времени до времени проявляются въ нашемъ обществѣ и печати; потому-то, съ другой стороны, насъ печалитъ и заботятъ отношенія къ нему презорливыя и несправедливыя“ (Истор., крит. и полем. опыты, Спб. 1879. стр. 325), Имѣемъ полныя основанія надѣяться, что разсмотрѣнная нами книга во многомъ разсѣветъ недоразумѣнныя и часто далеко несправедливыя отношенія общества и печати къ русскому православному духовенству, изображаемому въ ней съ небывалою еще полнотою и вѣрностію дѣйствительности.

С. Л.

Въ редакцію Богословскаго Вѣстника присланы вновь изданныя книги и брошюры:

Еп. Порфирій Успенскій. «Книга бытія моего». Дневникъ и автобіографическія записки епископа Порфирія Успенскаго. Ч. I съ 3 мая 1841 по 1 мая 1844 г. Спб. 1894. Изданіе Императорской Академіи Наукъ на издвеніи Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, подъ ред. П. Я. Сырку.

М. Е. Соколовъ. Введеніе въ философію. Петровскъ, Саратов. г. 1894.

Д. Богдановскій. Новый трудъ по исторіи философіи. Кіевъ. 1894.

Онъ-же. Объяснительныя замѣчанія къ наиболѣе труднымъ мѣстамъ соборнаго посланія св. Ап. Іакова. Кіевъ. 1894.